

Теон и Эсхин

Эсхин возвращался к пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил
Но счастье, как тень, убегало.
И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.
Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих берегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...
Все те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?
Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.
Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин
То было жилище Теона.
С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.
Из белого мрамора гроб невдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним соплетались.
На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море,
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к пенатам!
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.
И взгляд на него любопытный вперил
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин
Взор друга прискорбен, но ясен.
Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда лукавый предатель.
Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних пенатах?
Теон указал, вздыхая, на гроб...
Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь
Но с нею печаль неразлучна.
О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны,
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.
Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей
Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.
При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.
Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни

Вотще ли столь были прелестны?
О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
Над сердцем утрата бессильна.
И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?
Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где она предо мною цвела,
Он тот же: все ею он полон.
По той же дороге стремлюся один
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем
Сих уз не разрушит могила,
Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.
Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшая жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.
С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.
А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что верно желанное будет;
Сей гроб затворенная к счастью дверь;
Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.
О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,

Ты верные блага утратил свои
Ты жизнь презирать научился.
С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
О! верь мне, прекрасна вселенна.
Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все в жизни к великому средство;
И горечь и радость все к цели одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!